

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ВЛАДИМИР УШАКОВ против РОССИИ»

(Жалоба 15122/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

18 июня 2019 года

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Владимир Ушаков против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Палатой в составе:

Винсент Э. Де Газтано, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Паулу Пинту ди Албукерки,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Бранко Лубарда,
Алина Полачкова, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
проведя заседание за закрытыми дверями 28 мая 2019 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело было инициировано на основании жалобы (№ 15122/17), поданной в Европейский Суд гражданином России Владимиром Николаевичем Ушаковым (далее – «заявитель») 4 февраля 2017 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Интересы заявителя были представлены Л.А. Яблоковой, адвокатом, практикующим в г. Санкт-Петербурге. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М.Л. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что в связи с отказом российских судов вынести распоряжение о возвращении его дочери в Финляндию в применение Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 1980 года, он стал жертвой нарушения его права на уважение семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции.

4. 16 июня 2017 года Власти были уведомлены о данной жалобе. Председатель Палаты принял решение о разбирательстве жалобы в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Общие сведения

5. Заявитель, 1977 года рождения, проживает в г. Вантаа, Финляндия.

6. Заявитель проживал и работал в Финляндии с 1999 года на основании вида на жительство.

7. В 2009 году в Хельсинки заявитель вступил в брак с гражданкой Российской Федерации И.К. После женитьбы супружеская пара поселилась в г. Вантаа, Финляндия, в квартире, принадлежавшей заявителю. И.К. имела разрешение на временное проживание (срок действия которого закончился летом 2015 года).

8. 24 декабря 2012 года И.К. родила дочь, В. Родители, в соответствии с финским законодательством, осуществляли совместную опеку над ребенком. У заявителя также есть два ребенка от предыдущего брака, оба проживающих в г. Вантаа. Дочь заявителя, В., имела разрешение на временное проживание в Финляндии (срок действия которого закончился в декабре 2014 года). В неустановленный день она получила российское гражданство.

9. В январе 2013 года И.К. перенесла два инсульта и была частично парализована. Она была отправлена в больницу.

10. Заявитель взял отпуск по уходу за ребенком, чтобы ухаживать за В. Родители И.К. (чаще ее отец) часто приезжали из России, чтобы присматривать за В., пока И.К. проходила лечение.

11. В апреле 2013 года И.К. была выписана из больницы. Однако, она полностью не восстановила здоровье и у нее плохо двигались одна рука и одна нога.

12. Взаимоотношения между заявителем и И.К. явно ухудшились, и в июне 2013 года И.К. уехала в Россию, в сопровождении ее отца, для прохождения дальнейшего лечения и физиотерапии. В. осталась с заявителем.

13. Так как заявителю необходимо было вернуться на работу, в июле 2013 года он отвез В. к своим родителям в Норвегию, где за нею ухаживали бабушка и тетя по отцовской линии.

14. После возвращения в Финляндию в августе 2013 года, И.К. инициировала судопроизводство, добиваясь возвращения ребенка в Финляндию согласно Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года («Гаагская конвенция»).

15. В октябре 2013 года заявитель привез В. обратно в Финляндию, и производство касательно возвращения ребенка было прекращено.

Б. Развод, опека над ребенком и судопроизводство об определении места жительства в Финляндии. Вывоз ребенка из Финляндии в Россию

16. Тем временем, в августе 2013 года И.К. обратилась в суд с исковым заявлением о расторжении брака, в котором просила суд предоставить ей исключительное право опеки над В., определив место жительства В. вместе с ней.

17. В период с ноября 2013 года по март 2014 года районный суд г. Вантаа («районный суд») вынес пять промежуточных решений, определив, что до вынесения решения по делу заявитель и И.К. должны осуществлять совместную опеку над В. и что последняя должна проживать с заявителем.

18. 14 ноября 2013 года районный суд рассмотрел опасение заявителя относительно риска, что И.К. может забрать В. в Россию без его согласия, и распорядился о том, чтобы паспорт В. был сдан в полицию.

19. 23 декабря 2013 года районный суд отметил, что риск вывоза ребенка за пределы Финляндии отсутствует, так как ее паспорт находится в полиции.

20. 11 апреля 2014 года районным судом брак между заявителем и И.К. был расторгнут.

21. 23 декабря 2014 года районный суд постановил, что заявитель и И.К. должны осуществлять совместную опеку над ребенком и что В. должна проживать с заявителем. Суд также определил детальный график контактов И.К. с В. до 2019 года. Принимая указанное решение, районный суд учел состояние здоровья И.К., в частности, тот факт, что она полностью не восстановила подвижность одной руки и одной ноги после инсульта и все еще проходила реабилитационные процедуры, а потому ей будет трудно быстро реагировать на активное поведение ребенка ясельного возраста и предупреждать потенциально опасные ситуации. Данное решение могло быть принудительно исполнено в ожидании решения по апелляционному производству.

22. И.К. обжаловала вышеуказанное постановление.

23. 20 ноября 2015 года Хельсинский апелляционный суд отклонил апелляционную жалобу И.К. и оставил без изменения постановление от 23 декабря 2014 года. Апелляционный суд подтвердил, что, так как заявитель и И.К. осуществляли совместную опеку над их дочерью, И.К. не имела права увозить В. из Финляндии без согласия заявителя.

24. И.К. подала дополнительную апелляционную жалобу в Верховный Суд Финляндии.

25. 26 февраля 2016 года Верховный Суд отказал И.К. в праве на апелляцию.

26. В то же время, в ходе осуществления апелляционного производства, 5 февраля 2015 года И.К. увезла В. в Россию без согласия заявителя. Она сообщила ему по электронной почте, что не намерена возвращаться в Финляндию.

27. 20 февраля 2015 года заявитель обратился в Министерство юстиции Финляндии с ходатайством вернуть ребенка в Финляндию в соответствии с Гаагской конвенцией.

28. Министерство юстиции Финляндии направило запрос в Министерство науки и образования Российской Федерации, которое подтвердило, что ребенок проживает с И.К. в г. Санкт-Петербурге.

В. Судопроизводство в России

1. Судопроизводство по поводу возвращения В. в Финляндию согласно Гаагской конвенции

29. 6 августа 2015 года, после безуспешных попыток достичь согласия с И.К. в отношении возвращения В. в Финляндию, заявитель обратился в Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга с заявлением о возвращении ребенка в Финляндию в соответствии с Гаагской конвенцией.

30. И.К. возражала против возвращения В. в Финляндию. Ссылаясь на статью 13 (b) Гаагской конвенции, она заявила, что В. уже привыкла к новым условиям в России, что она не говорит на финском языке, что возвращение В. в Финляндию разлучит их и что таким образом это будет для нее психологической травмой. Она также указала, что В. была привезена в Россию, чтобы она могла получить медицинскую помощь, в которой нуждалась, и, наконец, что заявитель страдал психическим расстройством.

31. Органы опеки, участвовавшие в судопроизводстве, считали, что в наилучших интересах ребенка ему будет лучше проживать с матерью, И.К.

32. Уполномоченный по правам ребенка в г. Санкт-Петербурге утверждал, что вывоз В. из Финляндии в Россию был незаконным, так как заявитель и И.К. осуществляли совместную опеку над ребенком и переезд ребенка в Россию не умалял прав заявителя на территории Российской Федерации; более того, В. имела ряд медицинских показаний, которые могли нанести ей физический вред в случае ее возвращения в Финляндию.

33. Решением от 2 декабря 2015 года Дзержинский районный суд удовлетворил требования заявителя и распорядился о немедленном возвращении ребенка в Финляндию. Суд установил, и это являлось

согласованной позицией сторон, что местом привычного проживания В. являлась Финляндия, и что ее перемещение из Финляндии было осуществлено без согласия заявителя. В связи с этим суд заключил, что переезд ребенка был совершен в нарушение родительских прав. Он также установил, что не было оснований для применения исключения относительно немедленного возвращения ребенка в соответствии со статьей 13 (b) Гаагской конвенции: довод о том, что В. подвергалась риску испытать отрицательное психологическое воздействие в случае ее возвращения в Финляндию и утверждение, что заявитель страдал психическим расстройством были признаны необоснованными; И.К. не предоставила никаких доказательств того, что медицинская помощь, обусловленная состоянием здоровья В., не могла быть предоставлена в Финляндии; возвращение В. в Финляндию не повлечет ее разлучения с И.К., так как финский суд определил, что стороны должны осуществлять совместную опеку над ребенком, и составил детальный график контактов И.К. с В.

34. Однако, 3 февраля 2016 года Санкт-Петербургский городской суд («городской суд») отменил вышеуказанное решение в апелляционном порядке и отклонил требования заявителя о возвращении В. в Финляндию. Городской суд постановил, что так как постановление городского суда г. Вантаа от 23 декабря 2014 года – которое определило место проживания В. вместе с заявителем в Финляндии – еще не вступило в силу, действия И.К. по перемещению В. в Россию не были незаконными. Обстоятельства переезда ребенка, гражданина Российской Федерации, в Россию не нарушали родительских прав заявителя. Городской суд отметил, что на момент переезда ребенка, а также на момент рассмотрения апелляционной жалобы, у нее не было действительного разрешения на жительство в Финляндии. Городской суд также принял во внимание следующие факты: что с февраля 2015 года В. постоянно проживала в г. Санкт-Петербурге – по адресу регистрации И.К. – где были созданы надлежащие условия для ее жизни и развития; что обе стороны имели зарегистрированное постоянное место жительства в России; что на момент переезда В. было два года и один месяц, из которых несколько месяцев (с июля по октябрь 2013 года) она провела в Норвегии, куда заявитель перевез ее без согласия И.К.; и, наконец, что В. не говорила на финском языке и с февраля 2015 года лечилась в различных медицинских учреждениях и посещала детский сад в России. С учетом вышеизложенного, городской суд пришел к выводу, что Финляндия не являлась местом постоянного проживания В. С февраля 2015 года В. благополучно интегрировалась в социальные и семейные условия в России и потому ее пребывание в России не являлось незаконным в значении статьи 3 Гаагской конвенции. Посещение В. детского сада в Финляндии в течение непродолжительного времени с ноября 2014 года

по январь 2015 года не являлось достаточным доказательством ее интеграции в Финляндии, чтобы Финляндия могла считаться привычным местом проживания ребенка. Наконец, городской суд отметил, что в отчете Уполномоченного по правам ребенка в г. Санкт-Петербурге утверждалось, оба родителя имели родительские права в отношении В., что права заявителя не были уменьшены на территории Российской Федерации, и что перемещение ребенка от матери в России к отцу в Финляндию для постоянного проживания в Финляндии могло, ввиду ее многочисленных заболеваний, причинить ей психологическую травму. Суд также отметил, что медицинские документы, содержащиеся в обстоятельствах дела, подтверждали, что ребенок имел ряд заболеваний. Он заключил, что это обстоятельство – которое согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции представляло собой исключение из требований для немедленного возвращения – также привело к выводу о том, что оснований для удовлетворения требований заявителя не было.

35. Заявитель обратился с апелляционной жалобой по вопросам права в Президиум городского суда.

36. 12 мая 2016 года судья Санкт-Петербургского городского суда отказал заявителю в передаче данного дела на рассмотрение Президиума указанного суда.

37. 4 августа 2016 года судья Верховного Суда Российской Федерации отказал в передаче дела на рассмотрение в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

2. Судопроизводство по вопросам места жительства ребенка и алиментов

38. 7 сентября 2016 года Приморский районный суд г. Санкт-Петербурга принял решение об определении места жительства В. с ее матерью, И.К., в г. Санкт-Петербурге, и о выплате заявителем ребенку алиментов, начиная с 8 июня 2015 года.

39. Ссылаясь на временные финансовые трудности и настаивая на возвращении В. в Финляндию, заявитель не исполнил вышеуказанное судебное решение.

40. 5 октября 2016 года в отношении заявителя было возбуждено исполнительное производство. Служба судебных приставов применила к нему ограничительные меры в форме запрета на выезд с территории Российской Федерации. В настоящее время это решение препятствует поездке заявителя в Россию.

41. На 13 февраля 2018 года задолженность заявителя по алиментам на ребенка составила 494 644 российских рублей (RUB)¹.

1. По текущему обменному курсу указанная сумма равна примерно 6 750 евро.

42. Заявитель не видел свою дочь с тех пор, как она уехала из Финляндии.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Гагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года

43. Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей («Гагская конвенция») вступила в силу между Российской Федерацией и Финляндией 1 января 2013 года. В части, имеющей отношение к настоящему делу, данная Конвенция предусматривает следующее:

Статья 1

«Целями настоящей Конвенции являются:

а) обеспечение незамедлительного возвращения детей, незаконно перемещенных в любое из Договаривающихся государств либо удерживаемых в любом из Договаривающихся государств, и

б) обеспечение того, чтобы права опеки и доступа, предусмотренные законодательством одного Договаривающегося государства, эффективно соблюдались в других Договаривающихся государствах.

...»

Статья 3

«Перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если:

а) они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми были наделены какое-либо лицо, учреждение или иная организация, совместно или индивидуально, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания; и

б) во время перемещения или удержания эти права эффективно осуществлялись, совместно или индивидуально, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.

Права опеки, упомянутые в пункте «а», могут возникнуть, в частности, в соответствии с законом либо на основании судебного или административного решения, либо на основании соглашения, влекущего юридические последствия по законодательству этого государства».

Статья 4

«Конвенция применяется к любому ребенку, постоянно проживающему в каком-либо Договаривающемся государстве непосредственно перед нарушением прав опеки или доступа. Применение Конвенции прекращается, когда ребенок достигает возраста 16 лет».

Статья 11

«Судебные или административные органы Договаривающихся государств должны принимать безотлагательные меры для возвращения детей.

Если соответствующий судебный или административный орган не вынес решения в течение шести недель со дня начала процедур, заявитель или Центральный орган запрашиваемого государства по собственной инициативе либо по просьбе Центрального органа запрашивающего государства имеет право потребовать объяснений о причинах задержки. Если ответ получен Центральным органом запрашиваемого государства, этот орган направляет ответ Центральному органу запрашивающего государства или заявителю, в зависимости от обстоятельств».

Статья 12

«Если ребенок незаконно перемещен или удерживается в соответствии со статьей 3 и на момент начала процедур в судебном или административном органе Договаривающегося государства, в котором находится ребенок, со дня незаконного перемещения или удержания ребенка прошло менее одного года, этот орган обязан предписать немедленно возвратить ребенка.

Даже в том случае если процедуры начались по истечении срока в один год, указанного в предыдущем абзаце, судебный или административный орган также обязан предписать возвратить ребенка, если только не будет доказано, что ребенок адаптировался в новой среде.

...»

Статья 13

«Несмотря на положения предыдущей статьи, судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан предписывать возвращение ребенка, если лицо, учреждение или иная организация, выступающие против его возвращения, докажут, что:

а) лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка или дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых; или

б) имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия.

Судебный или административный орган может также отказать в возвращении ребенка, если он придет к заключению, что ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение.

При рассмотрении обстоятельств, указанных в настоящей статье, судебные и административные органы принимают во внимание информацию, относящуюся к социальному положению ребенка, предоставленную Центральным органом или другим компетентным органом государства постоянного проживания ребенка».

Статья 14

«При выяснении вопроса о том, имело ли место незаконное перемещение или удержание ребенка в соответствии со статьей 3, судебные или административные органы запрашиваемого государства могут непосредственно принимать во внимание законодательство и судебные или административные решения, признанные и не признанные официально в государстве постоянного проживания ребенка, не прибегая к специальным процедурам подтверждения действия этого законодательства или признания иностранных решений, которые в ином случае необходимо было бы применить».

Статья 19

«Решение о возвращении ребенка, принятое в соответствии с настоящей Конвенцией, не затрагивает существа любого вопроса об опеке».

Б. Пояснительный доклад к Гаагской конвенции

44. Пояснительный доклад к Гаагской конвенции, подготовленный Элизой Перес-Вера и опубликованный Гаагской конференцией по международному частному праву (ГКМЧП) в 1982 году («Пояснительный доклад»), гласит:

1. Понятие «в наилучших интересах ребенка»

«21. ... правовой стандарт «наилучшие интересы ребенка» на первый взгляд настолько расплывчатый, что кажется напоминающим более социологическую парадигму, чем конкретный юридический стандарт.

24. ... [философия Гаагской конвенции] может быть определена следующим образом: борьба против значительного увеличения количества международных похищений детей должна всегда быть обусловлена желанием защитить детей и основываться на толковании их истинных интересов. ... право не быть перемещенным или удерживаемым во имя более или менее спорных прав является одним из наиболее объективных примеров того, что в чем заключаются интересы ребенка.

... истинной жертвой «похищения ребенка» является сам ребенок, который страдает от неожиданного нарушения его стабильности, травмирующей утери контакта с родителем, который отвечал за его воспитание, неопределенности и чувства бессилия, когда ему приходится адаптироваться к неизвестному языку, чужой культуре и незнакомым учителям и родственникам.

25. Таким образом, обоснованно утверждать, что две цели Конвенции – одна профилактическая, другая, предназначенная для обеспечения немедленной реинтеграции ребенка в его привычную среду – обе соответствуют специфической идее, которую составляют «наилучшие интересы ребенка». Однако ... следует признать, что перемещение ребенка иногда может быть оправдано объективными причинами, которые должны иметь отношение либо к данному лицу, либо к среде, с которой оно наиболее тесно связано. В связи с этим Конвенция признает необходимость наличия определенных исключений из общих обязательств, принимаемых государствами по обеспечению незамедлительного возврата детей, перемещенных или удерживаемых на незаконных основаниях».

2. Понятие «постоянного места проживания» ребенка и «неправомерности его перемещения или удержания»

«64. Статья 3 [Гаагской конвенции] в целом представляет собой одно из ключевых положений Конвенции, так как приведение в движение механизма Конвенции по возврату ребенка зависит от его применения. Получается, что обязанность по возврату ребенка возникает только в том случае, если перемещение или удержание ребенка считается незаконным в соответствии с Конвенцией.

66. ... понятие постоянного места проживания [является] устоявшимся в Гаагской конвенции, которая рассматривает его как вопрос факта, отличного в этом отношении от места регистрации.

68. Первый источник, который упоминается в статье 3, – законодательство, в котором устанавливается, что права опеки «могут возникать ... в соответствии с законом». Это заставляет нас подчеркнуть одну из характеристик данной Конвенции, а именно, ее применение к защите прав опеки, которые осуществлялись до какого-либо решения по поводу таковых. Это имеет значение, так как нельзя забывать, в контексте статистики, о довольно большом количестве случаев, в которых ребенка увозят до принятия решения об опеке. Более того, возможность родителя, у которого отобрали ребенка, получить своего ребенка в таких обстоятельствах, кроме как в рамках Конвенции, практически отсутствует, если только этот родитель, в свою очередь, не прибегнет к силе – образ действий, который всегда пагубен для ребенка.

71. ... с точки зрения Конвенции, перемещение ребенка одним из совместных опекунов без согласия другого, в равной степени противозаконно, и такая противозаконность возникает в данном конкретном деле не из определенного действия в нарушение конкретного законодательства, а из того факта, что такое действие игнорирует права другого родителя, которые также защищены законом, и вмешивается в их нормальное осуществление. Истинная природа Конвенции наиболее четко раскрывается в этих ситуациях: речь идет не об установлении лица, которому будут принадлежать права опеки над ребенком в будущем, и не о ситуациях, в которых может оказаться необходимым изменить решение о совместной опеке на основании фактов, изменившихся в последующем. Проще говоря, Конвенция стремится предупредить, чтобы на более позднее решение по вопросу влияло изменение обстоятельств, вызванных односторонними действиями одной из сторон».

3. Исключения из принципа незамедлительного возвращения ребенка согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции

«34. ... [исключения] из правила касательно возвращения ребенка должны применяться только к конкретной ситуации и не более. Это предполагает, главным образом, что их следует толковать в ограничительной манере, чтобы Конвенция не стала «мертвой буквой» ... Практическое применение данного принципа требует, чтобы подписавшие документ страны были убеждены, что они принадлежат, несмотря на их различия, к тому же правовому сообществу, в рамках которого власти каждой страны подтверждают, что власти одной из них – той, где постоянно проживает ребенок – в принципе, наиболее авторитетны для принятия решений об опеке и доступе. В результате, систематическое применение указанных исключений, когда похититель назначает выбранное им место в качестве места проживания ребенка, привело бы к разрушению всей

структуры Конвенции, лишив ее духа взаимного доверия, который является ее вдохновляющей идеей.

113. ... исключения [в статьях 13 и 20] не применяются автоматически, в том плане что они не приводят неизбежно к удержанию ребенка; тем не менее, сама природа исключений дает судьям особое полномочие – и не налагает на них обязанность – отказать в возвращении ребенка в определенных обстоятельствах.

114. Что касается статьи 13, в вводной части первого параграфа подчеркивается тот факт, что бремя доказывания фактов, указанных в подпараграфах (а) и (б) налагается на лицо, которое выступает против возвращения ребенка ...

116. Исключения, содержащиеся в [статье 13], пункт (b), касаются ситуаций, когда случилось международное похищение ребенка, но возвращение ребенка противоречит его интересам ... Каждый из терминов, используемых в данном положении, является результатом хрупкого компромисса, достигнутого во время обсуждений Специальной комиссии, и оставлен без изменений. Таким образом, нельзя сделать вывод, от противного, из отклонения во время Четырнадцатой сессии предложений в пользу включения четкого положения, устанавливающего, что данное исключение не может быть применено, когда возвращение ребенка может нанести вред его экономическим или образовательным перспективам, что исключения должны получать широкую интерпретацию ...».

4. Использование оперативных процедур судебными или административными органами

«104. Значимость фактора времени на протяжении всей Конвенции вновь возникает [в статье 11 Гагской конвенции]. В то время как статья 2 Конвенции налагает на Договаривающиеся страны обязанность использовать оперативные процедуры, первый параграф данной статьи вновь формулирует это обязательство, в этот раз в отношении властей страны, куда был перемещен ребенок, которые должны принять решение о его возвращении. У этого обязательства имеется двойной аспект: во-первых, использование наиболее оперативных процедур, имеющихся в правовой системе страны; во-вторых, что эти жалобы, насколько возможно, должны рассматриваться в приоритетном порядке.

105. Второй параграф [статьи 11 Гагской конвенции], касающийся того, что национальные власти должны в первоочередном порядке решать проблемы, возникающие в связи с международным перемещением детей, устанавливает необязательный срок в шесть недель, после которого заявитель или Центральный орган запрашиваемого государства имеет право потребовать объяснений о причинах задержки. Более того, после того как ответ получен Центральным органом запрашиваемого государства, этот орган вновь обязан информировать Центральный орган запрашивающего государства или заявителя, который обратился к нему напрямую. Одним словом, значение данного положения может быть измерено не в контексте требований обязательства, налагаемого им, а тем фактом, что оно привлекает внимание компетентных органов к определяющему характеру фактора времени в таких ситуациях и что в данном положении указывается максимальный период времени, в течение которого должно быть принято решение по данному вопросу».

В. Конвенция о правах ребенка

45. Соответствующие положения Конвенции ООН о правах ребенка, которая была подписана в г. Нью-Йорк 20 ноября 1989 года и вступила в силу в отношении России 15 сентября 1990 года, гласят:

Преамбула

«Государства-участники настоящей Конвенции,

...

убежденные в том, что семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов, и особенно детей, должны быть предоставлены необходимые защита и содействие с тем, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества,

признавая, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, ...

Договорились о нижеследующем:

...»

Статья 3

«1. Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

...»

Статья 7

«1. Ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет ... право знать своих родителей и право на их заботу.

...»

Статья 9

«1. Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию.

...»

Статья 18

«1. Государства-участники предпринимают все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка. Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы

...»

III. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

А. Конституция Российской Федерации

46. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (часть 4 статьи 15).

Б. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

47. Производство по рассмотрению заявлений о возвращении детей, незаконно перемещенных или удерживаемых на территории Российской Федерации, и об осуществлении защиты прав доступа в отношении таких детей в соответствии с международными договорами Российской Федерации регулируется Главой 22.2 Кодекса.

48. Кодексом предусмотрено, что подобное заявление о возвращении должно быть подано в суд родителем либо другим лицом, считающим, что его/ее права на опеку или общение с ребенком были нарушены, либо прокурором (статья 244.11).

49. Заявление о возвращении ребенка рассматривается судом с обязательным участием прокурора и органа опеки и попечительства в течение сорока двух дней со дня его поступления, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и составление решения (статья 244.15).

50. Решение суда, вынесенное по делу о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка, должно содержать обоснование необходимости возвращения ребенка в государство его/ее постоянного проживания в соответствии с международными договорами Российской Федерации или обоснование отказа в возвращении ребенка в государство постоянного проживания в соответствии с международными договорами Российской Федерации (статья 244.16).

51. Апелляционную жалобу на такое решение можно подать в суд в течение десяти дней. Апелляционная жалоба рассматривается в течение одного месяца с момента ее получения судом апелляционной инстанции (статья 244.17).

В. Семейный кодекс Российской Федерации

52. Данный кодекс предусматривает, что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (статья 61, часть 1).

53. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке (часть 1 статьи 65).

54. Права и обязанности родителей и детей, в том числе обязанность родителей по содержанию детей, определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства. При отсутствии совместного места жительства родителей и детей права и обязанности родителей и детей определяются законодательством государства, гражданином которого является ребенок. По требованию истца к алиментным обязательствам и к другим отношениям между родителями и детьми может быть применено законодательство государства, на территории которого постоянно проживает ребенок (статья 163).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ ВВИДУ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА В СООТВЕТСТВИИ С ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ

55. На основании статьи 8 Конвенции заявитель жалуется на то, что отказ в удовлетворении его заявления о возвращении его дочери в Финляндию составляет нарушение его права на уважение семейной жизни, закрепленное статьей 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость жалобы

56. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб

1. Доводы сторон

(а) Власти

(i) Первоначальные замечания

57. Власти утверждали, что вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни отсутствовало, так как он не утратил личных связей с его дочерью. Заявитель никогда не добивался контактов с В. в России, поднимая этот вопрос в органах опеки или в судах. Таким образом, отсутствие его контактов с ребенком явилось результатом его собственного бездействия. Однако, если Суд установит наличие вмешательства в право заявителя на уважение его семейной жизни, Власти считали, что оно соответствовало закону, являлось пропорциональным и необходимым в демократическом обществе.

58. Основываясь на доводах, изложенных в апелляционном определении городского суда от 3 февраля 2016 года (см. выше пункт 34), Власти заявили, что Финляндия не являлась страной постоянного проживания В., что ее перемещение и удержание в России не являлось противозаконным в целях Гаагской конвенции, и что в любом случае состояние здоровья В. представляло собой исключение для ее незамедлительного возвращения в соответствии с применением статьи 13 (b) Гаагской конвенции. В этой связи Власти отметили, что В. страдала от атопического дерматита, аллергического ринита, мышечной гипотензии, задержки речи, плоскостопия и железодефицитной анемии. Поэтому она нуждалась в наблюдении медицинскими специалистами, а также в специальной диете, приеме лекарств, сеансах массажа, в ношении ортопедической обуви в профилактических целях, развитии мелкой и общей моторики, участии в творческих занятиях, суставной гимнастике и проведении вестибулярного раздражения. Власти основывались на заключении медицинского психолога Санкт-Петербургского центра комплексной реабилитации и развития ребенка от 8 сентября 2015 года, в котором указывалось, что ввиду ее невротического состояния В. регулярно

наблюдалась у детского психолога с целью ослабления эмоционального напряжения и волнения, а также у логопеда. Психолог сделал вывод, что В. следует оставаться с матерью, так как только она может обеспечить дочери необходимый уход, и что смена места проживания может отрицательно сказаться на умственном развитии В. Тот факт, что городской суд не рассмотрел наличие эквивалентного лечения в Финляндии, как таковой не ставит законность судебного решения под сомнение. В связи с этим Власти заключили, что постановление городского суда об отказе в удовлетворении заявления о возврате В. в Финляндию, было вынесено на законных основаниях.

59. Власти также утверждали, что вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни было необходимым с целью обеспечения наилучших интересов ребенка. Городской суд пришел к выводу, что простой факт того, что ребенок проживал в Финляндии, не являлся достаточным основанием считать Финляндию местом ее привычного проживания. Городской суд отметил, что стороны являлись гражданами России и были зарегистрированы в России по месту жительства. Городской суд также должным образом учел как наличие прочных связей сторон с Российской Федерацией, так и тот факт, что В. провела значительную часть ее жизни за пределами Финляндии, не интегрировалась в языковую и социальную среду этой страны, и не понимает финский язык, однако говорит на русском, который является ее родным языком. Она ходила в детский сад в Финляндии и находилась в среде, где все говорили на финском языке, очень ограниченное время, и несколько месяцев жила в Норвегии. Внутригосударственный суд объективно и всеобъемлющим образом изучил все вышеупомянутые доказательства, а также принял во внимание тот факт, что В. провела значительную часть ее жизни в Санкт-Петербурге и успешно интегрировалась в новые условия, и что ее юный возраст требует постоянного присутствия ее матери. Суд заключил, что возвращение В. к ее отцу в Финляндию будет противоречить ее интересам и причинит ей вред. Городской суд оценил документы в материалах дела, объяснения сторон и заключения компетентных национальных органов, включая органы опеки и Уполномоченного по защите прав ребенка в г. Санкт-Петербурге, в соответствии с положениями Гаагской конвенции.

60. Власти пришли к выводу о том, что толкование Гаагской конвенции внутригосударственными судами соответствует общепризнанным принципам ее применения и толкования, с учетом фактов дела и интересов ребенка.

(ii) Дополнительные замечания

61. В своих дополнительных замечаниях Власти подчеркнули, что городской суд не учитывал тот факт, что стороны и В. являлись

гражданами Российской Федерации, были зарегистрированы по месту жительства в России, в качестве решающего обстоятельства для цели определения страны постоянного места жительства В. Городской суд принял данные факторы во внимание наряду с прочими обстоятельствами. Тот факт, что у заявителя имелось двое детей от предыдущего брака, проживающих в Финляндии, не рассматривался российскими судами, так как заявитель никогда не поднимал этот вопрос.

62. Власти утверждали, что у заявителя имелась возможность добиться контакта с В. в России при содействии органов опеки, Уполномоченного по защите прав ребенка в г. Санкт-Петербурге и суда. Осуществление заявителем его права на контакт с дочерью не означало его согласия с перемещением ребенка из Финляндии или признания юрисдикции российских судов. Власти разъяснили функционирование процедур посредничества и согласительного урегулирования в аппарате Уполномоченного по правам ребенка в г. Санкт-Петербурге, которые, согласно статистическим данным, были успешными в разрешении 60 процентов споров по поводу ухода за ребенком. Они также упомянули создание в 2013 году Федерального института медиации под эгидой Министерства образования и науки Российской Федерации (Центральный орган в России), который также мог бы предоставить заявителю посреднические услуги, если бы он предпочел к ним прибегнуть.

63. Власти также указали, что, так как городской суд отказался признать Финляндию местом постоянного проживания В., гражданско-правовые аспекты международного похищения детей, содержащиеся в Гаагской конвенции, в настоящем деле не применимы. Соответственно, ни статья 3 (а) Гаагской конвенции, предусматривающая, что права опеки определяются законодательством страны, где постоянно проживает ребенок, ни Закон Финляндии об опеке ребенка и праве доступа не применимы к правоотношениям сторон.

64. Власти отметили, что заявитель не исполнял свою обязанность по оказанию финансовой поддержки В. в течение длительного времени.

65. Наконец, Власти привели четыре примера дел, в которых российские суды удовлетворили заявления о возврате, поданные «брошенными» отцами в отсутствие каких-либо обстоятельств — в отличие от настоящего дела — указывающих на то, что детей не следует возвращать. Они представили копии соответствующих решений.

(б) Заявитель

66. Заявитель не согласился с утверждением Властей о том, что вмешательства в его право на уважение его семейной жизни в настоящем деле не было. Он подчеркнул, что ему были предоставлены права опеки в отношении его дочери, а не только права на контакт с ней. Именно поэтому после ее незаконного перемещения из Финляндии в Россию он предпочел подать заявление о возвращении согласно Гаагской конвенции, а не возбуждать производство по поводу контакта с дочерью. Пока в России велось судопроизводство, он попытался, через своего законного представителя, организовать встречи с В., но безуспешно. Он не обращался за помощью к российским органам опеки и Уполномоченному по правам ребенка для организации встречи с В., так как имел мало надежды, что обращение к ним может дать какой-либо результат. Он также боялся, что судебный иск по вопросу контактов с дочерью в России будет расценен как его молчаливое согласие с незаконным перемещением В. и признанием юрисдикции российских судов.

67. Заявитель утверждал, что отмена городским судом постановления от 2 декабря 2015 года о немедленном возвращении В. в Финляндию представляло собой противоправное и непропорциональное вмешательство в его права по статье 8 Конвенции, так как не являлось необходимым в демократическом обществе. Он оспорил толкование городским судом положений Гаагской конвенции, касающихся таких ключевых концепций, как «постоянное место проживания», «незаконность перемещения» и «исключения из требования немедленного возвращения». При толковании данных концепций суд применил подходы, характерные для национального законодательства, без учета их автономного значения в свете Гаагской конвенции. Заявитель подверг критике выводы суда о том, что Финляндия не являлась постоянным местом проживания его дочери, несмотря на тот факт, что она родилась в Финляндии и проживала там в течение более двух лет до ее перемещения в Россию, где она никогда ранее не бывала. В этой связи заявитель отметил, что И.К. не оспаривала то, что Финляндия являлась местом постоянного проживания В. (см. выше пункты 14 и 33).

68. Заявитель также оспорил вывод городского суда о том, что, так как постановление городского суда г. Вантаа от 23 декабря 2014 года – которое определило место проживания В. вместе с заявителем в Финляндии – еще не вступило в силу, действия И.К. по перемещению В. в Россию не являлись незаконными. Даже если постановление от 23 декабря 2014 года еще не вступило в силу на момент, когда В. была перемещена в Россию, он и И.К. осуществляли совместную опеку над В. согласно финскому семейному праву, а именно, разделу 6(1) Закона об опеке над детьми и правами доступа (№ 361/1983). Согласно

данному Закону, опека над ребенком, рожденным в Финляндии родителями, которые были в браке на момент рождения ребенка, осуществляется его родителями совместно.

69. Заявитель подверг критике тот факт, что городской суд принял во внимание обстоятельства, которые произошли после перемещения В. в Россию, но не учел прошлый опыт В. в Финляндии до ее отъезда из страны. Он также выразил сожаление по поводу того, что суд акцентировал внимание на российском гражданстве сторон и наличии у них зарегистрированного места жительства в Российской Федерации. Что касается упоминания городским судом того, что В. не владеет финским языком, заявитель подчеркнул, что ребенку исполнилось только два года на момент перемещения в Россию, что оба родителя разговаривали с В. на русском языке, и что В. совсем недавно начала посещать детский сад в Финляндии и потому не успела овладеть финским языком.

70. Заявитель утверждал, что не было никаких оснований считать, что возвращение В. причинит ей какой-либо психологический или физический вред или она окажется в иной невыносимой обстановке в значении статьи 13 (b) Гаагской конвенции. Что касается ссылки городского суда на «многочисленные медицинские показания» В., заявитель утверждал, что указанные медицинские показания носили обычный характер, так как наблюдались у многих детей, проживающих в скандинавских странах с холодными погодными условиями, ограниченным количеством солнечных дней и высокой влажностью. Ничто не позволяло предположить, что контроль и лечение, необходимые В., нельзя было обеспечить в Финляндии, стране с высоким уровнем жизни, социальным обеспечением и медицинским обслуживанием. Ничто не предполагало наличие других оснований, оправдывающих отказ в удовлетворении заявления о возвращении согласно статьям 12, 13 и 20 Гаагской конвенции.

71. Заявитель также утверждал, что имелось несоответствие в применении городским судом положений Гаагской конвенции. Установив, что Финляндия не являлась страной постоянного проживания В., городской суд пришел к выводу, что Гаагская конвенция не применима к данному делу. Тем не менее, суд продолжил рассмотрение обстоятельств, являющихся исключением из требования о возврате В. согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции.

72. Заявитель считал, что городской суд не мог поднимать вопрос о том, адаптировалась ли В. к жизни в России, так как прошло менее одного года с момента перемещения ребенка из Финляндии до начала судопроизводства по вопросу возвращения ребенка.

73. Заявитель также утверждал, что хотя срок действия вида на жительство В. в Финляндии истек в декабре 2014 года, не имелось никаких правовых препятствий для получения нового вида на

жительство в компетентных органах Финляндии. Он подтвердил свой довод соответствующим заявлением Министерства юстиции Финляндии.

74. Заявитель пришел к выводу о том, что городской суд нарушил баланс конкурирующих интересов ребенка и его родителей, так как вынес постановление не в пользу наилучших интересов В., а в пользу матери ребенка.

75. Заявитель сообщил Суду, что ввиду временных финансовых трудностей он не мог выплачивать И.К. алименты на ребенка и потому не мог навестить В. в России (см. пункт 40 выше).

2. Оценка Суда

а) Общие принципы

76. В постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (*Neulinger and Shuruk v. Switzerland*) ([БП], жалоба № 41615/07, пункты 131-40, ECHR 2010), и в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х. против Латвии» (*X v. Latvia*) ([БП], жалоба № 27853/09, пункты 92-108, ECHR 2013) Суд изложил ряд принципов, основанных на его прецедентной практике по вопросу международного похищения детей, которые приведены ниже.

77. В области международного похищения детей обязательства, возлагаемые статьей 8 на Договаривающиеся Страны, должны толковаться в свете требований Гаагской конвенции и Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, а также соответствующих правил и принципов международного права, применимых к отношениям между Договаривающимися сторонами.

78. Решающим обстоятельством является вопрос о том, был ли соблюден справедливый баланс, который должен существовать между противоборствующими интересами — интересами ребенка, обоих родителей и общественного порядка — в рамках пределов усмотрения, предоставляемых Государствам в данных вопросах, принимая во внимание, однако, что наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первую очередь и что цели предотвращения и незамедлительного возвращения согласуются с особой концепцией «наилучших интересов ребенка».

79. В настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей. Та же философия присуща Гаагской Конвенции, которая увязывает этот интерес с восстановлением прежней ситуации посредством решения, предписывающего незамедлительное возвращение ребенка в страну его постоянного

проживания в случае незаконного похищения, принимая при этом во внимание факт, что невозвращение может иногда быть оправданным по объективным причинам, которые соответствуют интересам ребенка, объясняя тем самым наличие исключений, в частности, в случае серьезного риска того, что возвращение ребенка причинит ему физическую или психологическую травму или иным образом поставит ребенка в невыносимое положение (см. подпункт «b» пункта 1 статьи 13 Гаагской Конвенции).

80. Интересы ребенка включают два аспекта. С одной стороны, интересы ребенка диктуют необходимость сохранения связей ребенка с его семьей, за исключением случаев, когда семья является особенно неподходящей для его проживания. Из этого следует, что семейные узы могут быть разорваны только при исключительных обстоятельствах и что должны быть приняты все возможные меры для сохранения личных отношений и, при необходимости, для «восстановления» семьи. С другой стороны, совершенно ясно, что в интересах ребенка необходимо обеспечить его развитие в благоприятной для него среде, и родитель не должен быть вправе в соответствии со статьей 8 принимать такие меры, которые нанесут вред здоровью и развитию ребенка.

81. Таким образом, в контексте требования о возвращении, выдвинутого в соответствии с Гаагской Конвенцией, которое, соответственно, отличается от производств по делам об опеке, концепция наилучших интересов ребенка должна оцениваться в свете исключений, предусмотренных Гаагской Конвенцией, которые касаются прошедшего периода времени (статья 12), условий применения Конвенции (пункт «a» статьи 13) и существования «серьезного риска» (пункт «b» статьи 13), а также соблюдения запрашиваемым Государством основополагающих принципов, касающихся защиты прав человека и основных свобод (статья 20). Эта задача в первую очередь возлагается на внутригосударственные органы власти запрашиваемого Государства, у которых, помимо прочего, имеется преимущество непосредственного контакта с заинтересованными сторонами. При выполнении их задачи согласно статье 8 внутригосударственные суды обладают свободой усмотрения, которая, однако, находится под европейским надзором. Следовательно, Суд обладает юрисдикцией рассмотреть процедуру, используемую национальными судами, в частности, установить, обеспечивают ли национальные суды, в ходе применения и толкования положений Гаагской конвенции, гарантии Конвенции и, в особенности, гарантии статьи 8.

82. Сбалансированное толкование Европейской Конвенции и Гаагской конвенции может быть достигнуто при условии соблюдения двух условий. Во-первых, факторы, которые могут представлять собой

исключения для немедленного возвращения ребенка при применении статей 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, особенно если они заявлены одной из сторон судопроизводства, должны быть действительно приняты во внимание запрашиваемым судом. Затем суд должен вынести решение по данному вопросу, которое будет достаточно обоснованным, чтобы позволить Европейскому Суду подтвердить, что эти вопросы были рассмотрены надлежащим образом. Во-вторых, эти факторы должны быть оценены с учетом статьи 8 Конвенции.

83. Наконец, статья 8 Конвенции налагает на внутригосударственные органы власти особое процессуальное обязательство в этом отношении: при оценке требования о возвращении ребенка суды не только должны рассматривать подлежащие доказыванию утверждения о «серьезном риске» для ребенка в случае его возвращения, но и принимать решения, приводя конкретные основания в свете обстоятельств дела. И отказ учитывать возражения против возвращения, которые могли подпадать под действие статей 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, и недостаточная аргументация при вынесении решения об отклонении таких возражений противоречили бы требованиям статьи 8 Конвенции, а также целям и задачам Гаагской конвенции. Необходимо надлежащее рассмотрение данных утверждений, выраженное в аргументации внутригосударственных судов, которое не является автоматическим и шаблонным, но достаточно подробным в свете предусмотренных Гаагской Конвенцией исключений, которые должны толковаться ограничительно. Это также позволит Европейскому Суду, задача которого не заключается в том, чтобы подменять собой внутригосударственные суды, осуществлять возложенный на него европейский надзор.

(б) Применение этих принципов к настоящему делу

84. Суд отмечает, что взаимное общение родителя и ребенка является одним из основных элементов «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции (см., из последних источников, постановление Европейского Суда от 30 января 2018 года по делу «Эдина Тот против Венгрии» (*Edina Tóth v. Hungary*), жалоба № 51323/14, пункт 49). Следовательно, взаимоотношения между заявителем и его дочерью подпадают под понятие семейной жизни согласно статье 8 Конвенции. Исходя из этого, необходимо определить, имело ли место неуважение семейной жизни заявителей. «Уважение» к семейной жизни подразумевает обязательство государства действовать так, чтобы семейные узы нормально развивались в привычном порядке (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*) [БП], жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, пункт 221, ECHR 2000-VIII).

85. Суд отмечает, что в феврале 2015 года, когда супружеская пара в данном деле находилась в процессе расторжения брака и в процессе рассмотрения дела по вопросу опеки в Финляндии, мать ребенка увезла ребенка, которому на тот момент было два года и один месяц, в Россию и больше не возвращала в Финляндию. В связи с этим, первоначальное вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни не может быть отнесено к действию или бездействию Властей государства-ответчика, а связано скорее с действиями частного лица.

86. Тем не менее, такое действие налагает на Власти государства-ответчика позитивные обязательства обеспечить соблюдение права заявителя на семейную жизнь, которое включает в себя принятие мер согласно Гаагской конвенции для немедленного воссоединения его с ребенком (см. постановление Европейского Суда от 21 июля 2015 года по делу «Р.С. против Польши» (*R.S. v. Poland*), жалоба № 63777/09, пункт 58, и постановление Европейского Суда от 1 марта 2016 года по делу «К.Й. против Польши» (*K.J. v. Poland*), жалоба № 30813/14, пункт 53). В связи с этим остается выяснить, выполнила ли Российская Федерация, исполняя свои обязательства по Гаагской конвенции, свои позитивные обязательства по статье 8 Конвенции.

87. Суд отмечает, что вступившим в законную силу решением от 3 февраля 2016 года городской суд отказал в удовлетворении требования заявителя о возвращении В. в Финляндию, что представляло собой вмешательство в его право на уважение семейной жизни. Данное вмешательство имело правовое основание в Гаагской конвенции, которая вступила в силу между Российской Федерацией и Финляндией 1 января 2013 года, и городской суд действовал, по его мнению, в соответствии с законной целью защиты прав и свобод ребенка.

88. В связи с этим Суд должен определить, являлось ли рассматриваемое вмешательство «необходимым в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции, с учетом соответствующих международных документов, и были ли надлежащим образом учтены наилучшие интересы ребенка при установлении баланса конкурирующих интересов, в пределах свободы усмотрения, предоставляемой государству в таких вопросах. Для этого Суд рассмотрит аргументацию, представленную городским судом в его решении.

89. Суд отмечает, что согласно статье 3 Гаагской конвенции, перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если «они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми было наделено какое-либо лицо ... в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания» (см. выше пункт 43).

90. В Пояснительном докладе указывается, что понятие постоянного места проживания является исключительно вопросом факта, отличного в этом отношении от места регистрации. В нем также подчеркивается, что с точки зрения Гаагской конвенции, перемещение ребенка одним из совместных опекунов без согласия другого, в равной степени противозаконно, и такая противозаконность возникает в данном конкретном деле не из определенного действия в нарушение конкретного законодательства, а из того факта, что такое действие игнорирует права другого родителя, которые также защищены законом, и вмешивается в их нормальное осуществление. В Пояснительном докладе также разъясняется, что приведение в движение механизма Конвенции по возвращению ребенка полностью зависит от того, считается ли перемещение или удержание ребенка незаконным в соответствии с Конвенцией, и в отсутствие такой противозаконности перемещения или удержания не возникает никакого обязательства по его возвращению (см. выше пункт 44).

91. Суд отмечает, что в настоящем деле городской суд постановил, что Финляндия не являлась страной постоянного проживания В. с учетом следующих обстоятельств: стороны судебного разбирательства и ребенок являлись гражданами Российской Федерации и были зарегистрированы в России по месту жительства; В. не имела действительного вида на жительство в Финляндии; с февраля 2015 года она постоянно проживала в г. Санкт-Петербурге, где наблюдалась в медицинских учреждениях и посещала детский сад; на момент ее перемещения ей было два года и один месяц, и она уже провела три месяца (с июля по октябрь 2013 года) в Норвегии; а также она не говорила на финском языке и не была интегрирована в социальную среду Финляндии. Городской суд также посчитал, что, так как постановление районного суда г. Вантаа от 23 декабря 2014 года – которым место проживания В. было определено с заявителем в Финляндии – не вступило в силу на момент перемещения ребенка в феврале 2015 года, действия И.К. по перемещению В. в Россию и ее удержание там не являлось незаконным по смыслу Гаагской конвенции. В итоге городской суд отказал в удовлетворении требования заявителя о возвращении его дочери в Финляндию на тех основаниях, что состояние ее здоровья, судя по документам, содержащимся в материалах дела, представляло собой исключение из требования о ее немедленном возвращении в применение статьи 13 (b) Гаагской конвенции (см. выше пункт 34).

92. Суд должен убедиться, обеспечивали ли вышеуказанные толкование и применение положений Гаагской конвенции городским судом гарантии прав заявителя согласно статье 8 Конвенции. Суд отмечает, в первую очередь, что отказ городского суда признать Финляндию постоянным местом проживания В. не соответствует

фактам настоящего дела. Суд отмечает, в частности, что дочь заявителя родилась в декабре 2012 года в Финляндии, где она жила все время до ее перемещения в Россию в феврале 2015 года. Временно находясь у ее бабушки в Норвегии с июля по октябрь 2013 года, В. не прекратила являться постоянным резидентом в Финляндии. Равно как и И.К. не могла создать новое место проживания В. в России, где ребенок не бывал раньше, до дня ее перемещения из Финляндии. При определении места постоянного жительства В. для целей статьи 3 Гаагской конвенции городскому суду следовало принимать во внимание только те обстоятельства, которые непосредственно предшествовали перемещению В. из Финляндии, а не обстоятельства после ее переезда.

93. Суд также отмечает, что вывод городского суда о том, что перемещение и удержание ребенка в России не являлись незаконными в отсутствие окончательного постановления финского суда, определяющего место проживания В. вместе с заявителем в Финляндии, противоречит явному значению статьи 3 Гаагской конвенции, которое следует из текста документа, Пояснительного доклада и общепризнанной практики (см. выше пункт 89, и постановление Европейского Суда от 5 апреля 2005 года по делу «Моноры против Румынии и Венгрии» (*Monory v. Romania and Hungary*), жалоба № 71099/01, пункт 81). В этой связи Суд отмечает, что в случае отсутствия вступившего в законную силу постановления финского суда, определяющего вопросы опеки и проживания ребенка, согласно финскому законодательству, заявитель и И.К. имели совместную опеку над ребенком, которую они на деле оба осуществляли (см. выше пункты 8 и 68). Суд также отмечает, что перемещение и удержание ребенка в России матерью произошло без ведома и согласия заявителя, что нарушало его права, защищаемые законом, и препятствовало их обычному осуществлению. Следовательно, судя по всему, положения применимого законодательства в настоящем деле были истолкованы и применены таким образом, что сделало бессмысленным отсутствие согласия заявителя на перемещение В. в Россию и дальнейшее ее постоянное проживание там (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Р.С. против Польши», пункт 67).

94. Вышеизложенные факты, которые не оспариваются сторонами (см. выше пункт 33), при других обстоятельствах были бы достаточными для вывода о том, что перемещение В. из Финляндии, страны, где она постоянно проживала непосредственно до ее выезда из страны, было незаконным в контексте Гаагской конвенции. Это послужило бы основанием для возникновения обязательства вернуть В. в Финляндию согласно Гаагской конвенции.

95. Тем не менее, Суд отмечает, что независимо от отказа признать Финляндию страной постоянного проживания В. и признать то, что перемещение В. нарушило Гаагскую конвенцию, городской суд с самого начала не отказался от применения статьи 3 Гаагской конвенции (вопреки утверждению Властей в пункте 63 выше), а продолжил рассмотрение вопроса, будет ли возвращение В. противоречить ее интересам, и пришел к выводу, что состояние ее здоровья является основанием для отказа в удовлетворении требования о ее возвращении, в применение статьи 13 (b) Гаагской конвенции.

96. Суд повторяет, что в его задачи не входит подмена компетентных национальных органов в определении наличия серьезного риска причинения ребенку вреда в значении статьи 13 Гаагской конвенции, если она вернется в Финляндию. Однако Суд праве определить, обеспечили ли национальные суды, применяя и толкуя положения указанной конвенции, гарантии, изложенные в статье 8 Конвенции, в частности, учитывая наилучшие интересы ребенка (см. выше пункт 81).

97. Суд отмечает, что именно мать ребенка, И.К., возражала против возвращения ребенка. Поэтому ей необходимо было представить и обосновать потенциальное заявление об особых рисках согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции (см. выше пункт 44). Хотя указанное положение не является ограничительным в отношении конкретного характера «серьезного риска» — который мог повлечь не только причинение «физического или психологического вреда» ребенку, но также поставить его в «невыносимые условия» — его не следует понимать, с учетом статьи 8 Конвенции, в том смысле, что оно включает в себя все затруднения, обязательно сопровождающие процедуру возврата. Оно не может возникнуть исключительно ввиду разделения с родителем, который отвечал за незаконное перемещение или удержание. Исключение, предусмотренное статьей 13 (b), касается только ситуаций, которые выходят за рамки обстоятельств, в которых, как обоснованно ожидается, может оказаться ребенок (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Х. против Латвии», пункт 116; постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 года по делу «Момуссо и Уошингтон против Франции» (*Maumousseau and Washington v. France*), жалоба № 39388/05, пункты 69 и 73; и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «К.Й. против Польши», пункты 64 и 67).

98. В настоящем деле И.К. возражала против возвращения В. в Финляндию, приводя следующие аргументы: В. уже обжилась в новых условиях в России, ее дочь не говорила на финском языке, и ее возвращение в Финляндию приведет к их разделению и таким образом нанесет ей психологическую травму. Она также указала, что В. была привезена в Россию, чтобы она могла получить медицинскую помощь,

в которой нуждалась, и, наконец, что заявитель страдал психическим расстройством (см. выше пункт 30).

99. Хотя Дзержинский районный суд, рассматривая данное дело в первой инстанции, надлежащим образом изучил все доводы, приведенные И.К., и заключил, что не имелось никаких обстоятельств, которые могли бы представлять собой исключение согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции для возвращения В. в Финляндию (см. пункт 33 выше), городской суд, действуя в качестве апелляционного суда, ограничил его оценку простой ссылкой на «многочисленные медицинские показания В.», которые могли принести ей физический вред в случае ее возвращения в Финляндию. Таким образом, он квалифицировал состояние здоровья ребенка как исключение из требования к ее возвращению согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции.

100. Как следует из замечаний Властей, медицинские документы, на которые сослался городской суд, свидетельствуют о том, что у В. отмечались многочисленные, довольно распространенные заболевания, наблюдающиеся у многих детей, а именно, атопический дерматит, аллергический ринит, мышечная гипотензия, плоскостопие, железодефицитная анемия и задержка речи, и что необходимое ей лечение включало наблюдение медицинскими специалистами, специальную диету, прием лекарств, массаж, ношение специальной ортопедической обуви, плавание, развитие мелкой и общей моторики, участие в творческих занятиях, суставную гимнастику и проведение вестибулярного раздражения. Власти также ссылались на заключение психолога Санкт-Петербургского центра комплексной реабилитации и развития ребенка, в котором указывалось, что В. регулярно наблюдается у детского психолога, который считает, что мать В. является единственным лицом, которое может обеспечить ей необходимый уход, и что любая смена места жительства может нанести вред психическому развитию В. (см. выше пункт 58).

101. Однако Суд отмечает, что текст постановления городского суда от 3 февраля 2016 года не содержит каких-либо описаний медицинских заболеваний В. В указанном постановлении также не упоминается, какое лечение требуется ребенку, какой курс лечения В. проходит в настоящее время в России или доступность аналогичного лечения в Финляндии. Не дано никакой оценки других возражений И.К. в отношении возвращения В. в Финляндию, что было важно для оценки наилучших интересов В., в частности, повлечет ли возвращение В. в Финляндию разделение с ее матерью (имеет ли И.К. доступ в Финляндию, будут ли к ней применены какие-либо штрафные санкции в случае ее возвращения туда, может ли заявитель лишиться ее права опеки или помешать ей видеться с ребенком, и так далее).

102. В этом отношении Суд считает, что поскольку могли существовать обстоятельства, обосновывающие применение исключения согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции из общего правила немедленного возвращения ребенка, но не упомянутые в решениях национальных судов, в задачи Суда не входит замещение национальных органов и исполнение их функций.

103. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что городской суд надлежащим образом не рассмотрел и не принял достаточно обоснованного решения о том, представляло ли состояние здоровья В., или другие обстоятельства, приведенные И.К., основание для применения исключения к ее немедленному возвращению согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции, а также не оценил это в свете статьи 8 Конвенции.

104. Учитывая обстоятельства данного дела в целом, Суд приходит к выводу о том, что толкование и применение положений Гаагской конвенции городским судом не обеспечило гарантий статьи 8 Конвенции, что вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни не являлось «необходимым в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции, и что Власти государства-ответчика не исполнили их позитивные обязательства по статье 8 Конвенции, касающиеся обеспечения права заявителя на уважение его семейной жизни.

105. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

106. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

107. Заявитель потребовал компенсацию морального вреда, причиненного в результате предполагаемого нарушения Конвенции, сумму которой должен был определить Суд.

108. Власти считали, что так как заявитель не определил размер своего иска о компенсации морального вреда, его иск следует отклонить.

109. Суд считает, что заявитель должен был испытать, и продолжает испытывать, эмоциональные страдания в результате

отказа российского суда издать распоряжение о возвращении его дочери в Финляндию, и что признание нарушения Конвенции не является достаточной компенсацией. Учитывая обстоятельства дела и проведя оценку на справедливой основе, как того требует статья 41, Суд присуждает заявителю 16 250 евро в этом отношении.

Б. Расходы и издержки

110. Заявитель потребовал 500 000 российских рублей (RUB) в счет расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в национальных судах и в Европейском Суде, из которых 350 000 рублей были потрачены в ходе судопроизводства в российских судах, а оставшая сумма в 150 000 рублей – в ходе производства в Европейском Суде. В обоснование своего иска заявитель представил копии соглашений об оказании юридических услуг с Л.А. Яблоковой и соответствующие расписки о получении платежей.

111. Власти заявили, что требования заявителя являются чрезмерными и необоснованными и должны быть отклонены.

112. В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным принять требования заявителя и присудить ему сумму в размере 6 800 евро на покрытие всех заявленных расходов.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

113. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *признал*, единогласно, данную жалобу приемлемой;
2. *постановил*, шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

3. постановил, шестью голосами против одного,
- (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
    - (i) 16 250 евро (шестнадцать тысяч двести пятьдесят евро) плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
    - (ii) 6 800 евро (шесть тысяч восемьсот евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и затрат;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 18 июня 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент Э. Де Газтано
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

В.Д.Г.
Й.С.П.